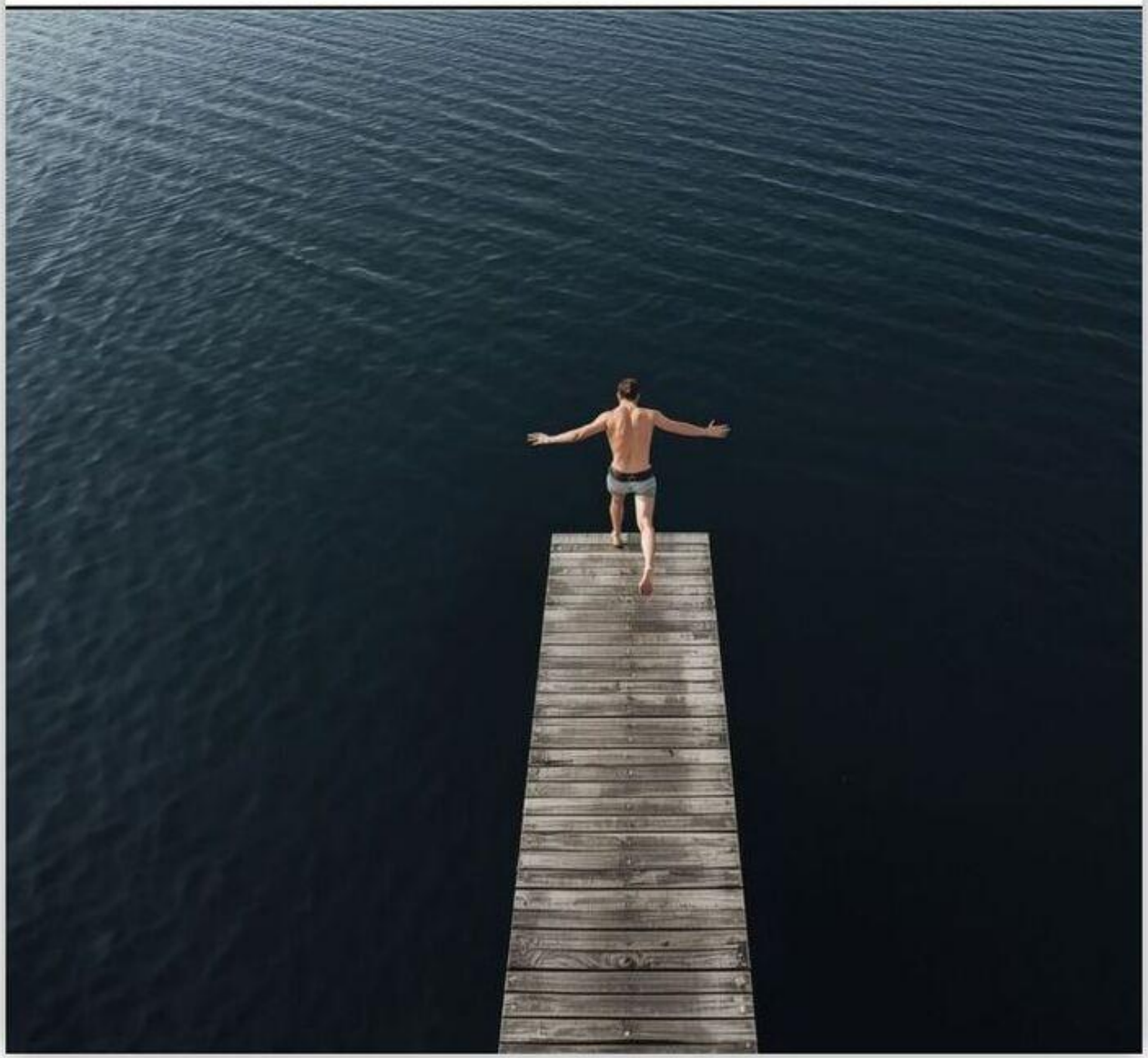
18+

Андрей Кучер

Бумеранг

Андрей Кучер

Бумеранг

«Издательские решения»

Кучер А.

Бумеранг / А. Кучер — «Издательские решения»,

Стас считал себя лидером и всегда хотел доказать всем, что он тут и первый, и главный… Инга любила его за это. Нелепая случайность расставила всё по своим местам и подарила Стасу шанс прожить ещё одну жизнь, но совсем другую.

© Кучер А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Бумеранг

Андрей Кучер

© Андрей Кучер, 2026

ISBN 978-5-0071-5563-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ночь в Новосольске была тёплой и пустой. Двор словно бы спал: окна домов были тёмными, лавочки мокрыми от вечерней сырости, и только один старый фонарь горел у качелей. Где-то далеко, за домами, лаяла собака.

На площадке сидели четверо. Стас качался на старых качелях, откинувшись назад так, что цепь скрипела и вздрагивала. В одной руке у него была бутылка пива, в другой — телефон, который он то и дело крутил, не глядя на экран. Виталий устроился на низкой скамейке напротив, чуть ссутулившись, и держал свою бутылку обеими руками, будто боялся, что она упадёт. Инга и Марина сидели на бортике песочницы. Перед ними стояла начатая бутылка вина и пакет с чипсами.

И вдруг, в этой ночной тишине, раздался смех Стаса. Смех у него был резкий, уверенный, словно бы он проверял, кто засмеётся в ответ.

— Мда, глухомань здесь такая, что кроме этой лающей псины нет никаких развлечений, — сказал он. — Может прогнать её? А то тявканье уже по мозгам бьёт.

— Ты сам орёшь громче всех, — отозвалась Марина.

— Не нуди, Маришка. Я не ору, а украшаю ваш вечер своим прекрасным голосом.

Инга тихонько засмеялась, а затем отпила из пластикового стаканчика. Стас качнулся сильнее, и цепь на качелях застонала.

— Вот скажите мне, если вы здесь все такие умные, — он поднял бутылку, будто собирался тост сказать. — Почему я самый нормальный в этой компании?

— Потому что остальные уже смирились с твоей невероятностью, — Марина рассмеялась.

— Вот ты смеёшься, а ведь в твоих словах есть доля правды. Я ведь один из всех присутствующих, действительно умею развлекать людей.

Инга засмеялась первой. Потом Марина. Виталий хмыкнул, но тихо, почти в бутылку. Стас это заметил. Ему невероятно нравилось, что девушки смеются над его шутками. Он посмотрел на Ингу, потом на Марину, затем снова на Ингу и удовлетворённо кивнул.

— Во-о-от, — протянул он. — А вы говорите, я не смешной.

— Ты невозможный, — сказала Инга и вновь засмеялась.

— Пусть так, зато весёлый, и вы с этим ничего не поделаете.

— Ага, и громкий, — задумчиво, разглядывая этикетку на бутылке, проговорил Виталий.

Стас резко повернулся к нему.

— Чего?

— Ничего. Просто громкий. Ну, в хорошем смысле.

— А-а-а, ну если в хорошем… В хорошем смысле я вообще идеальный.

Марина фыркнула.

— Да-да, мы уже все заметили, что скромность — твоё второе имя.

— Эх, Маришка, юная ты ещё совсем, эх юная. Ибо не знаешь, что у меня нет второго имени, так как я единственный и неповторимый.

Стас сказал это с улыбкой, но глаза остались внимательными. Он ждал реакции. Инга снова улыбнулась. Марина покачала головой, но в уголках губ у неё тоже пряталась усмешка. Виталий молчал и смотрел в землю.

Стас отставил бутылку, и поднялся с качелей. Цепь ещё немного покачалась за его спиной. Он прошёлся перед компанией, как будто вышел на сцену.

— Твою ж ты маковку… как же тут скучно. Сидим, пьём, как пенсионеры какие-то на лавочке.

— А что ты предлагаешь, мистер совершенство? — с усмешкой проговорила Инга.

— Да не знаю я. Но что-нибудь такое, чтобы весь мир содрогнулся.

— Опять что-нибудь? — Марина сложила руки на груди. — В прошлый раз твоё «что-нибудь» чуть не закончилось полицией для всех нас.

— Ну чего ты постоянно нудишь, Маринка? Ну да, попались ненадолго в руки органов правопорядка, но согласись, что весело же было.

— Тебе да, а вот Виталику было не очень весело.

Виталий поднял голову.

— Да не, мне нормально.

— Ты всегда говоришь «нормально», — сказала Марина. — Даже когда тебе чуть срок не впаяли.

Стас засмеялся.

— Виталий у нас дипломат, всегда найдёт сглаживающую формулировку.

Виталий пожал плечами. Ему явно хотелось, чтобы разговор ушёл в сторону. Он посмотрел на Ингу, потом на Станислава, но ничего не сказал.

Инга допила вино и поставила стаканчик на бортик.

— Может, ну их нафиг ваши блудняки? Давайте здесь и останемся, нормально же сидим.

— Нормально — это скучно, — сказал Стас.

— Не понимаю, что скучного в хорошей компании? Это тебе одному всегда мало.

— Мне не мало. Мне интересно сделать что-то такое, о чём никто до нас и подумать не мог, не то чтобы сделать.

Он подошёл ближе, наклонился к Инге, улыбнулся.

— Признайся, любимая, ты просто боишься, что я опять придумаю что-то гениальное.

— Нет, я боюсь, что ты опять придумаешь что-то глупое, гений мой.

— А разве это не одно и то же?

Инга засмеялась. Стас выпрямился и окинул двор взглядом. Всё те же тёмные окна, пустая дорога и редкие фонари. Где-то скрипнула дверь парадного входа, но никто так и не вышел на улицу. Ночь казалась абсолютно безразличной ко всему происходящему вокруг. В такие вечера казалось, что можно всё, и ничего тебе за это не будет.

Марина залпом допила остатки вина прямо из бутылки.

— Ладно, главный, — сказала она. — Придумывай. Только давай без всякого идиотства.

Стас взял свою бутылку, сделал глоток и уселся на качели. Они снова заскрипели.

— Так-то же, — сказал он, хитро прищурившись. — Сейчас мой гениальный мозг придумает что-то такое, что мы потом всю жизнь будем вспоминать, и детям рассказывать, как самый запоминающийся день в нашей жизни!

Марина посмотрела на него.

— Окей, только не говори потом, что мы тебя не отговаривали.

— Не волнуйся, Маришка, не скажу.

Инга улыбнулась, но в её улыбке уже было что-то настороженное. Виталий молчал, а ночь вокруг была тёплой, пустой и слишком спокойной.

Стас ещё не успел ничего придумать, как услышал звук. Тихий, ровный, как будто кто-то неспеша отбивал ритм по асфальту. Тук. Пауза. Тук. Пауза. Потом ещё раз.

Он повернул голову.

От угла дома, из темноты между подъездами, вышел парень. Худой, невысокий, в светлой рубашке, с рюкзаком за плечами. В правой руке — трость. Он шёл ровно, не медленно и не быстро. Просто шёл. Как будто каждая трещина на асфальте, каждая лужа, каждый торчащий корень дерева были ему известны.

Стас не сразу понял, что за странный персонаж появился во дворе. А потом увидел белую трость и понял — слепой.

Молодой человек постукивал тростью по асфальту, находил край бордюра, проверял пространство впереди. Парень чуть поворачивал голову, будто прислушивался к чему-то своему. К эху от домов, к шагам, к ночи.

Он не искал поддержки, он просто шёл мимо, один, без чьей-либо помощи.

Стас перестал качаться. Цепь звякнула и затихла.

— Смотрите-ка, — сказал он тихо, но так, чтобы услышали все. — А в нашем дворе довольно-таки необычный ночной гость.

Инга подняла голову. Марина тоже. Виталий обернулся.

Слепой уже поравнялся с песочницей. До компании оставалось метров пять. Он не сбился с шага. Не замедлился. Не ускорился. Трость стукнула по бортику, потом по асфальту. Он чуть сместился в сторону и пошёл дальше.

Марина пожала плечами.

— Ну и что? Ты что, раньше никогда слепых не видел?

— Видел-видел, но посмотрите на него, как он идёт.

— Нормально он идёт. Если ты не знал, то люди ходят, и не просто ходят, а по ночам тоже.

— Да вы чё, не понимаете? Он не просто ходит. Он ведь вообще не смотрит куда идёт.

— Он слепой, Стас.

— Без тебя вижу.

Стас сказал это резче, чем хотел. Он сам не понял, почему. Просто этот парень с тростью, спокойный, аккуратный, в своей светлой рубашке, вдруг стал его раздражать. Он не сделал ничего, не сказал, даже не посмотрел в его сторону — потому что не мог. Но всё равно невероятно раздражал Станислава.

Может, тем, что не боялся. Может тем, что не обращал внимания на главного во дворе. Может тем, что шёл так уверенно, будто весь мир принадлежал ему одному, а не Стасу и его друзьям.

Виталий проследил за взглядом друга.

— Всё нормально, братан, успокойся. Этот чувак тут часто ходит, — сказал он примирительно. — Видать дорогу выучил уже, за столь долгий срок тупо привык к ней.

— Именно, привык, — повторил Стас, не отрывая глаз от молодого человека с тростью.

Слепой уже почти скрылся за поворотом. Трость ещё постукивала, но всё тише и тише.

Стас встал с качелей. Медленно. Не отрывая глаз от тёмной фигуры, и сделал шаг вперёд. Не к площадке, не к друзьям — в сторону тротуара, туда, где темнела спина слепого.

— Эй! — крикнул он в сторону удаляющейся фигуры.

Голос у него получился громким. Громче, чем нужно. Громче, чем он сам ожидал. Эхо метнулось между домами и вернулось, но слепой так и не обернулся.

Станислав усмехнулся и посмотрел на друзей — Инга смотрела на него, Марина жевала чипсы, Виталий продолжал разглядывать этикетку на бутылке. Никто не смеялся.

— Слышишь, крот, ты куда без поводыря собрался? — крикнул Стас с насмешкой. — Не боишься в темноте заблудиться?

Но в ответ раздалась лишь тишина. Трость снова стукнула по асфальту. Тук. Пауза. Тук. Слепой шёл дальше, не обращая внимания. Он шагал ровно, спокойно. Словно громкий голос обращался не к нему.

Стас ждал… Он всегда ждал реакции. Всегда. Люди оборачивались, огрызались, злились, смеялись в ответ — что-то делали. Но в этот раз никакой реакции не последовало.

— Эй, крот, мать твою, ты не только в глаза долбишься, но ещё и глухой к тому же, что ли? — крикнул Стас громче. — Я спрашиваю, не боишься заблудиться в темноте?

Трость стукнула ещё раз. Слепой замедлил шаг и чуть повернул голову в сторону. Несколько секунд он молча прислушивался к происходящему вокруг, а затем снова пошёл вперёд.

Стас сжал пальцы в кулак, а улыбка на его лице, сменилась на недовольный оскал. За спиной стало тихо. Марина перестала жевать. Инга убрала стаканчик. Виталий смотрел то на Стаса, то на тёмную фигуру в конце двора, и в его лице было что-то вроде облегчения и одновременно тревоги. Никто не засмеялся над шуткой Станислава. Он чувствовал это спиной. Он ждал, что Инга фыркнет, что Марина скажет что-нибудь язвительное, что Виталий хотя бы хмыкнет. Но за спиной была только тишина, и от этой тишины становилось неуютно.

Слепой уходил всё дальше. Трость ещё слабо постукивала — реже, глуше. А затем и этот звук растворился в ночи.

Стас обернулся к друзьям и наигранно улыбнулся.

— Ну? — сказал он, будто ничего не произошло. — И чего притихли?

Инга осуждающе взглянула на него.

— Ты чего к нему привязался?

— Да не привязывался я к нему, нужен этот додик мне. Я просто хотел пошутить, поднять и ему и вам настроение.

— Это была вообще не шутка.

— С хрена ли? Нормальная шутка, а то, что он не понял, так это уже не мои трудности.

Марина отряхнула руки.

— А он не понял, потому что не слышал, или потому что не захотел?

Стас шагнул к ней.

— Какая, нахрен, разница?

— Да не, никакой, — сказала Марина. — Просто интересно.

Слова её звучали спокойно, с долей насмешки, словно она хотела задеть чувство собственного достоинство Стаса. От этого Леонову стало ещё хуже. Он посмотрел на Ингу. Та молчала, но в её молчании было что-то такое, от чего у него зачесались кулаки. Как будто она уже решила что-то про него. Как будто он только что что-то потерял.

Виталий поднялся со скамейки.

— Ладно, может, пойдём уже?

— Куда? — резко спросил Стас, не отводя глаз от возлюбленной.

— Не знаю. Домой. Делать-то тут уже нечего, скучно как-то.

— Скучно говоришь?

Стас усмехнулся, но усмешка вышла какой-то короткой, и злой.

Он снова посмотрел в ту сторону, куда ушёл слепой. Двор был пуст. Только неподалёку горел одинокий фонарь, под которым кружилась мошкара.

— А знаете что, — сказал Леонов. — Мне это вообще не нравится.

— Что именно? — спросила Инга.

— То, что он просто ушёл. Как будто меня нет.

Стас сказал это и сам понял, как это звучит. Слишком честно, слишком мелко. Но слово уже вылетело.

Марина фыркнула.

— Скажите, пожалуйста, какие мы обидчивые. А что он должен был сделать? Поклониться тебе в ответ?

— Должен был ответить. Должен был послать меня, повернуться на голос или хоть как-то отреагировать!

— Зачем?

— За шкафом. Мариш, не задавай тупых вопросов, ладно!?

Стас не мог объяснить. Но где-то внутри понимал, что он раздражён из-за того, что этот парень с тростью не испугался его. Он просто не заметил, а если не заметил — значит, Стаса не было. И это было хуже любой насмешки.

Он сжал бутылку в руке.

— Ладно-ладно, — сказал он, вновь наигранно улыбнувшись. — Чего это я, действительно. Нормальный парень, а я не прав. Мало ли что там у него случилось. Так ведь? Вот сейчас догоню его и спрошу нормально.

Инга встала.

— Стас…

— Что?

— Успокойся, пожалуйста. Не надо этого делать.

— Да чего ты так испугалась? За этого додика, что ли? Всё нормально, я просто спрошу. Может ему какая помощь нужна.

— Я говорю тебе, сядь!

Леонов посмотрел на Ингу. Она смотрела твёрдо. Так, как смотрят, когда уже всё решили.

Виталий подошёл к другу.

— Слушай, братан, правда, не стоит. Он же ничего не сделал.

Стас перевёл взгляд на друга.

— Я чёт не догоняю, разве я сказал, что хочу причинить ему какой-то вред? Чего вы все так на меня накинулись? Просто поговорю с типом и всё. Или вы все считаете меня каким-то неуравновешенным психопатом?

— Нет-нет, — быстро сказал Виталий. — Нет. Просто… ну его нахрен этого чудика. Забей на него, бро, пусть чешет своей дорогой.

Стас постоял ещё секунду. Потом бросил бутылку в урну и промахнулся. Стекло звякнуло о бортик и покатилось по асфальту.

— Ладно, пусть валит.

Он сел обратно на качели. Цепь скрипнула. Инга медленно опустилась на своё место. Марина отвернулась. Виталий остался стоять.

Никто не смеялся, даже Стас.

Выдержав паузу, девушки поменялись в лицах. Первой не выдержала Марина.

Она прыснула — коротко, в сторону, будто хотела сдержаться, но не смогла, а после и вовсе засмеялась в голос, откинув голову назад. Инга посмотрела на неё, прикусила губу — и тоже засмеялась. Тихо, но искренне.

Стас медленно повернул голову.

— Чего вы ржёте как ненормальные?

— Нет-нет, ничего, — сказала Марина, давясь смехом. — Ничего.

— Нет уж, говорите! Вы чего смеётесь?

— Да так. — Она вытерла глаза. — Просто… ты кричал-кричал, а он положил на тебя. Получается, в сухую порвал великого Станислава Леонова. Получается, что даже какому-то додику плевать на тебя.

— Плевать?

— Ну да. — Она пожала плечами, будто сказала нечто очевидное. — Ты тут распинаешься, главный гангстер двора, а он взял и прошёл мимо. Как мимо столба.

Инга снова засмеялась. И это было хуже всего — не Марина, которая могла сказать что угодно, а Инга. Она смеялась над ним. Не с ним.

Стас почувствовал, как тепло поднимается к шее.

— Я не распинался.

— Конечно, нет, — сказала Марина. — Ты просто несколько раз повторял шутку вслед незнакомому человеку так, чтобы он хоть как-то обратил на тебя внимание, а ему было пофиг. Это называется «не распинался».

Стас не нашёл ответа. Он посмотрел на Ингу — она уже не смеялась, но улыбалась, глядя в сторону. Так, будто ей всё ещё смешно, но она решила быть вежливой.

— Ладно… Смешно вам, да?

— Немного, — призналась Инга.

Леонов встал с качелей. Резко. Цепь звякнула и качнулась.

— Смешно, значит.

Марина посмотрела на него снизу вверх и не отвела глаз.

— Ага, смешно, а что, нельзя?

— Можно. Всё можно.

Он сказал это слишком ровно. Слишком спокойно. И от этого спокойствия Инга перестала улыбаться.

Марина, наоборот, улыбнулась шире. Она не боялась, это Стас знал давно. Марина вообще редко чего боялась, или просто умело делала вид.

— Ты чего завёлся? — спросила Инга.

— Я не завёлся.

— Завёлся. У тебя лицо поменялось так, словно бы у тебя взрослый дядечка отобрал конфетку

— Ага, слепой дядечка, — Рассмеялась Марина.

Инга тронула её за руку.

— Марин.

— Что? Я правду говорю.

— Не надо.

— А что не так? — Марина посмотрела на подругу. — Он же сам начал. Кричит, пыжится, смеётся над другими, а потом обижается, когда над ним смеются в ответ.

Стас шагнул ближе.

— Я не обижаюсь.

— Ну конечно.

— Я просто не понимаю, Сначала вы все отговариваете меня от того, чтобы я догнал этого утырка, боясь, что я с ним что-то сделаю, а теперь наоборот подталкиваете к этому. И что смешного в ваших приколах тоже не пойму.

— Расслабься, мачо. Пока мы тут болтаем, этот слепой уже кругосветку совершить бы успел. Поэтому, как бы ни хотелось тебе его догнать, но он уже в полной безопасности. А по поводу наших шуток, так что тут не смешного? Ты доказывал что-то слепому. Слепому, Стас. Он тебя даже не увидел. Не увидел, понимаешь? Ты старался, а тебя как будто и не было.

Инга снова хихикнула. Тихо. Но Леонов услышал. И Виталий услышал.

Виталий сидел на скамейке и смотрел в землю. Он всё это время молчал, но чувствовал каждое слово. Он знал этот тон, знал этот взгляд друга, знал, что после такого обычно что-то происходит. Обычно — плохое.

Он хотел сказать что-нибудь. Правда, хотел. Что-то вроде, «да ладно, чего вы», или «Марин, хватит», или даже просто «пойдёмте». Что-нибудь. Но в горле пересохло, и слова словно застряли. Он посмотрел на Ингу — та улыбалась. На Марину — та смотрела на Стаса, не отводя взгляд. Стас стоял, сжав кулаки, и в его лице было то самое, чего Виталий боялся больше всего: не злость, а что-то глубже. Что-то, что Леонов обычно прятал за шутками. Виталий не сказал ничего. Стас перевёл дыхание. Медленно, через нос. Потом улыбнулся. Улыбка вышла кривой, но он старался.

— Ладно, раз вам так смешно, то пусть будет смешно.

— Вот и хорошо, — Марина откинулась назад. — А то напрягся весь.

— Я не напрягся.

— Ну да, только и слышно как зубы твои скрипят.

Стас посмотрел на Ингу, она уже не смеялась. Она смотрела на него внимательно, будто ждала чего-то. А чего именно — он не понимал.

— А ты что молчишь? — спросил он.

— Ничего, — сказала Инга. — Просто думаю.

— И о чём же, позволь поинтересоваться? Тоже о том, что я лох какой-то, а этот утырок меня втоптал в грязь?

— Нет-нет, ни о чём. Так, о своём.

Инга улыбнулась, но как-то не так. Как будто хотела смягчить ситуацию, но получилось только хуже.

Стас отвернулся и посмотрел в ту сторону, куда ушёл слепой. Двор был пуст. Только фонарь, мошкара и бесконечные тёмные окна, которые, казалось, были свидетелями его поражения.

Он смотрел в темноту и чувствовал, как что-то внутри него не хочет успокаиваться. Как будто заноза. Маленькая, но сидит глубоко, и от неё всё время ноет.

Марина снова зашуршала пакетом с чипсами. Инга отпила из стаканчика. Виталий продолжал разглядывать этикетку на пивной бутылке. Ночь продолжалась, как будто ничего не случилось.

Но Леонов уже знал: он не успокоится. Не сейчас. Не сегодня.

Он снова сел на качели. Медленно. И стал качаться — тихо, почти без скрипа, словно ничего не было, как будто всё так и должно быть.

Только Виталий, изредка поглядывая на друга видел, как у того сжимается челюсть. И молчал.

Вдруг, не говоря ни слова, Стас встал и пошёл.

— Стас! Ты куда? — позвала Инга.

Он не обернулся. Марина что-то сказала вслед, но Леонов уже не слушал. Он шёл быстро. Асфальт под ногами был мокрый, ботинки скользили, но Стас не сбавлял темпа. Двор тянулся длинный, тёмный, только редко мигающие фонари по краям, слабо освещали дорогу. Леонов перешёл на бег, и через несколько минут догнал молодого человека с тростью. Слепой не успел далеко уйти, он лишь вышел из арки между домами, где Леонов и настиг его. Трость стучала по асфальту, ровно, размеренно. Тук. Пауза. Тук.

Стас поравнялся с ним рядом, замедлился, перевёл дыхание, чтобы голос звучал ровно.

— Слышь, дружище, притормози-ка.

Слепой остановился. Не резко, а плавно, как будто ждал этого, а затем повернул голову вполоборота, но не к говорящему, а чуть в сторону, будто прислушивался к чему-то за плечом.

— Да?

Стас приблизился вплотную. Теперь он видел его вблизи: худое лицо, тёмные волосы, аккуратная светлая рубашка, чистая, без складок. Рюкзак на одном плече. Трость в правой руке — белая, с потёртой ручкой. Глаза были скрыты под солнцезащитными очками, в которых Стас видел отражение мерцающих уличных фонарей.

— Я это… — Леонов улыбнулся, но понял, что собеседник его всё равно не видит. — Я хотел извиниться.

Слепой молчал. Ждал.

— Ну, там, на площадке. Я крикнул. Думал, ты услышишь.

— Да-да, я всё слышал.

— Слышал?

— Да.

— Тогда какого хрена ты проигнорил меня?

— Просто я думал, вы не мне кричите.

Слепой сказал это просто. Без обиды, без вызова, без насмешки.

Леонов почувствовал, как улыбка сползает с лица. Он ждал чего угодно. Что слепой огрызнётся. Что испугается. Что спросит «что тебе надо». Что хотя бы повысит голос. Но этот

парень не сделал ничего. Он просто стоял и ждал, что будет дальше. Как будто Стас был не проблемой, а так — случайным шумом.

— То есть, ты всё прекрасно слышал, и просто думал, что я обращаюсь не к тебе?

— Да.

— Ты меня за дебила держишь, что ли? Кроме тебя на улице никого не было.

— Я не знал этого. Да и мало ли кто кому там кричит.

— Я же кричал про собаку. Неужели сложно было догадаться, что это к тебе обращение было? Или ты думаешь, что вместе с тобой ещё десяток таких же слепошарых тут шляется?

— Нет, но просто я… я не держу собаку.

Стас замолчал. Он смотрел на это спокойное лицо и не понимал, что делать. Внутри поднималось что-то горячее, липкое. Не злость даже — что-то хуже. Как будто его унизили несколько раз подряд. Перед друзьями, перед его собственной девушкой, и даже сейчас, слепой стоит и просто издевается над ним.

— Слушай, — сказал он, и голос предательски дрогнул. — Ты вообще нормальный? Или у тебя не только глаза, но ещё и мозг отсутствует?

Слепой чуть наклонил голову.

— Простите, но я не совсем понимаю, в каком это смысле?

— Да в прямом. Хватит меня бесить своими тупыми вопросами! Я к тебе обращаюсь, а ты как будто не слышишь! Ты реально тупой, или прикалываешься надо мной?

— Нет. Почему? Я всё слышу. Я же вам ответил.

— Да, но ты ответил, только когда я догнал тебя лично и так, как будто тебе вообще насрать на меня.

— Нет, это не так. Я… я просто не понял, чего вы хотите.

Стас сжал кулаки. Спокойствие этого парня выводило хуже любого крика. Оно как будто говорило: «Ты не важен. Ты не стоишь реакции. Ты — пустое место».

— Я хочу, — Леонов шагнул ближе, — чтобы ты, придурок, меня услышал.

— Я услышал.

— Нет. Ты не услышал.

Слепой не отступил. Не поднял трость. Не сделал ничего.

— Хорошо, — сказал он. — Повторите, пожалуйста, что вы хотите от меня. Я слушаю вас внимательно.

— Ты… ты…

Леонов не мог подобрать слов. Он смотрел на слепого, и что-то внутри постепенно разгоралось от гнева. Вдобавок ко всему, негромкий, но отчётливый смех девушек прилетел из темноты. Два голоса — один звонкий, другой пониже.

Стас обернулся.

На площадке, метрах в двадцати, стояли Инга и Марина. Они смотрели в его сторону и смеялись. Не зло, не издевательски — просто смеялись. Как будто смотрели комедию. Как будто он был смешон.

Виталий стоял чуть позади них. Не смеялся. Просто смотрел.

Леонов почувствовал, как что-то внутри оборвалось. Тонкая нитка, которая ещё держала его на месте. Он снова повернулся к слепому.

Тот уже развернулся, чтобы уйти.

Смех за спиной не прекращался. Или это уже звенело в ушах.

Леонов сделал шаг вперёд, и ударил слепого ногой в спину. Ботинок попал прямо между лопаток. Слепой охнул. Коротко, без крика. Трость вылетела из руки, стукнула по асфальту и покатилась в сторону. Сам он упал вперёд, на колени, потом на бок. Светлая рубашка коснулась мокрого асфальта. Рюкзак съехал с плеча.

Смех за спиной оборвался.

Стало тихо. Только где-то далеко продолжала лаять собака.

Стас стоял и смотрел. Он не чувствовал злости. Только пустоту. И ещё что-то — как будто он только что перешагнул черту, а назад дороги нет.

Слепой лежал на асфальте. Не двигался. Не стонал. Только дышал — тяжело, но ровно. Рука шарила по земле, искала трость.

Леонов смотрел на эту руку. На растопыренные пальцы, которые ощупывали асфальт. На то, как слепой пытается понять, где он и что случилось.

И ничего не делал.

Стас сделал шаг вперёд и навис над лежащим.

— Ну чё, ушлёпок? — сказал он. Голос прозвучал глухо. — Ещё есть желание игнорить меня?

Слепой не ответил. Его рука всё ещё шарила по асфальту, мокрыми и испачканными пальцами он ощупывал пространство рядом.

— Слышишь ты, — Стас наклонился ниже и издевательски засмеялся. — Тебя как хоть зовут, ущербный?

— Где… где моя трость?

— Ты чё, тварь, снова игноришь мои вопросы?!

— Нет. Меня зовут Константин…

Костик значит. Отлично. Так вот, Костик, у тебя есть два пути: либо ты извиняешься передо мной за своё поведение, либо тебе будет очень плохо, поверь. Что выберешь?

— Я не понимаю, за что должен извиняться, но если чем-то вас обидел, то прошу простить меня. Я не…

— Не так! — перебил Стас. — На колени.

Слепой поднял голову. Не в его сторону — чуть мимо, но всё равно будто смотря прямо в глаза Леонову.

— Как это на колени?

— Это как не на колени, только наоборот. На колени я сказал.

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь.

— Я добиваюсь, чтобы ты понял, кто здесь главный.

Константин молчал несколько секунд, а потом произнес, тихо и без какого-либо вызова:

— Я не знаю, кто здесь главный. Я знаю только то, что я не сделал вам ничего плохого.

Стас сжал кулаки. Слова слепого не были дерзкими. Они были простыми. Но именно эта простота и била сильнее всего. Как будто этот парень говорил очевидные вещи, а Леонов был не в состоянии их опровергнуть.

— Ты меня не услышал, — по слогам произнёс Стас.

— Хорошо. — Слепой опустил голову. — Я не услышал.

Он сказал это без унижения. Как человек, который устал спорить. Как будто просто согласился, чтобы от него отстали. И от этого стало ещё хуже. Потому что он хотел не согласия. Он хотел, чтобы слепой признал свою вину. А тот просто замолчал.

— Отлично, с этим разобрались. А теперь — на колени.

— Нет. Я не буду этого делать.

Леонов взглянул на трость. Она лежала в шаге от него — белая, с потёртой ручкой, та самая, что ещё минуту назад стучала по асфальту. Он поднял ногу и толкнул её носком ботинка. Трость скользнула по мокрому асфальту и откатилась в сторону. Далеко. К урне, к тёмному углу между домами. А затем стукнулась о бордюр и замерла.

Константин услышал это. Он повернул голову в ту же сторону, а потом приподнялся на ноги и сделал шаг в сторону укатившейся трости. Он ступал медленно, как будто каждый сантиметр земли нужно было проверить на ощупь.

За спиной Стаса кто-то засмеялся. Инга. Или Марина. Смех был короткий, нервный, как будто вырывался сам собой.

— Мне кажется, что если развернуть его спиной, то он смело зашагает лунной походкой, — сказала Марина.

Инга хихикнула. Но как-то неуверенно. Смех получился вязким, будто застрял в горле.

Стас смотрел на слепого и чувствовал, как в груди что-то сжимается. Не жалость. Что-то другое. Может, стыд. Но он не позволил этому чувству подняться. Он усмехнулся.

— Ну, вот видишь, ты ведь и без своей палки можешь ходить. Зачем она тебе нужна? Притворяешься, значит, да? А нас-то не проведёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.